

Этнополитические процессы постбиполярного мира

Александр Бердников

Экзогенные процессы имеют определяющее влияние на внутреннее развитие народов, стран и государств. То есть причины и характер конфликтов неизбежно связаны с особенностями состояния мировой геосоциальной системы и ее динамики.

В настоящее время особенностями системы является то состояние, которое обозначается термином “глобализация”, являющаяся объективным процессом интенсификации взаимного проникновения и быстрого усиления взаимозависимости региональных общностей и национальных государств в экономической, социальной, политической, идеологической и культурной областях¹.

Это проявляется в модернизации средств транспорта, связи и коммуникации как в плане увеличения объемов перемещения материальной и нематериальной информации, так и скорости перемещения.

Все более интернациональными становятся финансовый, промышленно-экономический и информационный капитал. Получив наибольшее развитие в

экономической и информационной сферах, глобализация в конце XX в. вышла за ее рамки и стала реально перестраивать политическую и международную структуру мира.

Как и любое явление, глобализация естественным образом несет в себе не только положительное, но и отрицательное начало^{2,3}. Она обостряет противоречия между:

- общечеловеческими интересами во взаимозависимом мире и интересами нацио-государств;
- универсализацией и стремлением стран и народов сохранить свою идентичность;
- международной интеграцией и самоопределением народов;
- внутривнутриполитической стабильностью и индивидуальной самореализацией граждан.

БЕРДНИКОВ Александр Евгеньевич – аспирант Дипломатической академии МИД России.

Ключевые слова: этнополитический конфликт, самоопределение народов, территориальная целостность и государственный суверенитет.

При этом нарастает разрыв в экономическом развитии между государствами⁴, обособлением отдельных стран и регионов⁵.

Развивающийся эволюционно процесс специализации в области социального действия ведет к многообразию мировоззрений, образов и способов жизни человека. В то же время процессы интеграции стимулируют образование многообразных силовых полюсов. И в этом смысле мир действительно становится все более многополярным, причем как похожим на многополярный мир в период до мировых войн и известный “межвоенный” период международных отношений, так и отличным от него.

Силовая многополярность, как свидетельствует история, не гарантирует международную безопасность.

Существующие ныне региональные и мировые полюса, центры силы, как и в прошлом, различны не только по своим ресурсным потенциалам и имеют различные национальные, региональные и цивилизационные системы ценностей, которые сохраняют в себе исторический опыт контакта народов. Кроме того, полюсам как государствам-центрам силы по-прежнему присуще националистическо-центричное восприятие мира, которое, с одной стороны, часто мешает им найти согласие между собой и ведет к борьбе за превосходство или межполюсный баланс сил, а с другой (или объективно в силу первого) – игнорирует интересы других акторов международных отношений, а также и непосредственно своего населения⁶.

Рассматривая государства-центры силы на Востоке как фактор стабилизации, противовеса, сдерживания гегемонии одной сверхдержавы и американизации или вестернизации мира и т.д., следует учитывать мнения исследователей, которые обращают внимание на

тот факт, что “Восток имеет проблемы системного характера. Это – высокие темпы роста населения и при этом дефицит жизненно важных ресурсов, экологические проблемы и недостаточный для решения системных проблем технологический потенциал. Помощь международного сообщества и отдельных развитых стран не имеет своего положительного результата не только в силу, допустим, ее недостаточности, но и коррупции в государственных институтах и наличия мощных криминальных национальных и транснациональных структур, а также неготовности населения воспользоваться помощью и опытом более развитой западной цивилизации”⁶.

На Востоке не прекращаются межэтнические и межгосударственные конфликты, ведущие к массовой гибели мирного населения⁷. Отношения между рядом государств и великими державами-полюсами Востока далеко не однозначны.

Китай, хотя и “клялся в отсутствии гегемонистских стратегий, ударными темпами накапливает совокупную мощь”⁸.

У Ирана и ряда восточных государств нет (пока?) ядерного оружия, но, как полагают специалисты, есть стремление получить его и создать средства его доставки.

Индия и Пакистан обрели ядерное оружие и имеют средства доставки его, но не торопятся присоединиться к договору о нераспространении.

В Японии какой год говорят о необходимости пересмотра военной доктрины и у нее имеются технологические возможности создать ОМУ в кратчайшие сроки⁹.

Если говорить о международных отношениях на постсоветском пространстве, то “главная угроза гармонии в них” исходит от российско-американского соперничества.

По мнению известного ученого-международника Е.П.Бажанова, “устранить эту угрозу можно только путем корректировки политики обеих держав. Соединенные Штаты должны отказаться от пристрастия к антироссийским силам в постсоветских государствах, от потакания им. России же следует согласиться с правом молодых государств на укрепление суверенитета... А заодно надо проявлять искреннюю заинтересованность, воплощаемую в конкретных делах, в поступательном развитии и процветании всех соседних государств; демонстрировать беспристрастность в отношении споров между постсоветскими государствами, их внутренних проблем”⁸.

В итоге у исследователей, “складывалось впечатление, что человечество в очередной раз двинулось к конфронтационной многополюсности, которая в прошлом провоцировала войну: крупные державы притягивали к себе союзников и попутчиков, создавали собственные лагеря и ввязывались в изнурительную борьбу за преобладание в мире. Глобализация с ее всеохватывающей взаимозависимостью оказалась не в состоянии помешать новому раунду геополитической борьбы”⁸.

В этом отношении биполярная система сравнительно лучше обеспечивала стратегическую стабильность, причем не только силовым паритетом двух сверхдержав. Имело место соревнование двух идей самоорганизации человечества, дававшие возможность выбора социальных моделей и перспектив развития. В настоящее время навязываемая оставшейся одной сверхдержавой идея “глобальной демократии” американского образца не находит отклик у большинства стран и народов мира.

В этой связи распад СССР – это не только исчезновение сверхдержавы, но и символа альтернативной идеи цивили-

зационного развития как таковой. Несмотря на то, что само советское государство не смогло реализовать продекларированную им идею социальной гармонии, это не означало, что эта идея не может существовать. Сама идея социализма или социальной гармонии при всей ее кажущейся идеалистичности и несбыточности не может быть подвергнута сомнению, как и те общечеловеческие ценности, которые присутствуют в заповедях всех мировых религий. Не говоря уже о том, что конкуренция моделей социальной самоорганизации необходима как фактор повышения уровня рефлексивных процессов человеческого интеллекта в его поиске, по сути, стратегии выживания¹⁰. В хаосе бесконечной борьбы за выживание идея гармонизации общественных отношений была необходима социальному человеку как один из ориентиров в поиске более или менее оптимальной модели социальной самоорганизации или поддержания чувства оптимизма.

С другой стороны, идея социализма содержала в себе те принципы, которые, так или иначе, необходимы для построения модели, как сейчас говорят, “устойчивого развития” общества и человеческой цивилизации¹¹.

Как представляется, неудача цивилизационного эксперимента СССР не означала, что существовавшее в биполярную эпоху соревнование идей перспектив и форматов организации человеческого “общегития” не дало позитивного результата. Возможно, что к идее “социализма” как таковой вернется в будущем. Другое дело, что результаты соревнования идей получил не СССР, а его конкурент. Социализма в прежнем советском понимании на Западе нет, но есть много того, о чем говорили в СССР, а в реальной жизни не было или не получилось.

Пример тому не только “шведский социализм”, но социальная политика Евросоюза¹². Возможно, появляясь и новые идеи, исходящие от той или иной страны, региона, общественных и интеллектуальных движений.

Пока же при отсутствии альтернатив современному сценарию развития трансформация биполярной геополитической системы в нечто неопределенное сопровождается кризисом перспективы человечества как природного феномена.

Как предупреждают исследователи, “нерешенные глобальные проблемы, старые и новые противоречия и конфликты ставят всю человеческую цивилизацию на грань катастрофы”^{2,13}.

В связи с этим можно говорить о том, что при отсутствии идеологически оформленной стратегии выживания человечества, глобализация также объективно способствует повышению конфликтности² на всех уровнях мировой системы вплоть до национального и узко локально-этнического. Так, процесс глобализации порождает еще один источник конфликтов – угроза потери многими народами своей идентичности¹⁴, которая размывается исходящими (или навязанными) из некоего доминирующего полюса-силы универсалистскими процессами. Это вызывает ответную реакцию – защиту своей этнической культуры и образа жизни. Причем методы ее защиты и утверждения могут носить и в ряде случаев носить агрессивный характер по отношению к внешней среде – другим народам и культурам¹⁵. Налицо не абстрактный по Хантингтону “конфликт цивилизаций”, а вполне реальный конфликт этнических групп.

Соотношение взаимопроникающих и конфликтующих процессов глобализации и возможности ослабления

фактора влияния национального государства как основного организующего элемента человеческой цивилизации относится к одной из кардинальных проблем современной мировой политики.

Существует мнение, что глобализация ведет к утрате политической власти и влияния национальными государствами^{6,16}. Особенно подрываются позиции национальных государств периферии и полупериферии мировой экономики такими проявлениями транснациональности и глобализма, как формирование международных финансовых рынков, интернационализация бизнеса и капитала, появление глобальных открытых информационных сетей, процессами национального самоопределения и сепаратизмом, резко возросшей мобильностью населения, комплексным характером угроз безопасности, глобальными проблемами современности и т. д.¹⁷.

Транснационализация и виртуализация финансового рынка, *во-первых*, облегчают возможности сокрытия капитала от контроля государства и дают возможность получения прибыли, обусловленной особенностями той или иной территории (к примеру, более низкими налогами на прибыль).

Возросшая мобильность капитала, *во-вторых*, оказывает влияние на рост власти самого капитала.

В-третьих, значительная часть национальной политики попадает в зависимость от международных финансовых рынков и их состояния¹⁸.

По мнению экспертов, экономическая мощь отдельных государств и политико-экономическая эффективность их правительств связаны со спекуляциями на международных валютных рынках и финансовыми пирамидами, о чем, в частности, говорит восточноазиатский кризис и современный мировой кризис¹⁹.

Возникает противоречивая ситуация: с одной стороны, глобализация повышает требования к организующей роли национального государства, а с другой – сужает его возможности.

Стремясь обеспечить конкурентоспособность “своих” ТНК, сохранить в стране капитал и рабочие места, привлечь новые инвестиции, правительства снимают с них социальную ответственность и тем самым способствуют снижению реального уровня заработной платы, сокращают социальные программы, разрушая в Европе знаменитое “социальное государство”, и проявляют недопустимое в условиях глобализации невнимание к вопросам защиты окружающей среды. Ключевой проблемой становится ослабление управленческой способности государства.

Институт государства как основа существующего миропорядка переживает очередной кризис.

С одной стороны, очевидно, что целый ряд государств демонстрируют неспособность решать внутренние конфликты, а с другой – эффективно сотрудничать между собой в решении региональных и глобальных проблем. Кроме того, современные процессы глобализации и новые информационные технологии способствуют вовлечению в сферу международных отношений негосударственных участников – экономические и финансовые корпорации, неправительственные организации, антисистемные международные структуры и т.д.²⁰. Все эти участники вполне могут образовать своего рода полюса в мировой политике.

Так, например, Аль-Каиду уже можно считать тем антисистемным полюсом, с которым приходится считаться всем государствам и международному сообществу в целом. Уже давно на статус полюсов претендуют транснациональные корпорации²¹.

После окончания холодной войны происходит увеличение числа неправительственных и антисистемных организаций. При таком положении вещей постбиполярное мироустройство представляет собой сопряжение действий и интересов самых различных по своим характеристикам акторов²².

Их стратегия и политическое влияние обусловлены, как собственным внутренним, так и международным развитием. Ряд акторов претендуют по своим ресурсам и международному влиянию на статус равнозначный национальному государству, а то и функционально альтернативный ему. Так, уже имеют случаи присваивания международно-признанных функций государства негосударственными и надгосударственными политическими и экономическими структурами.

Можно наблюдать также, что некоторые международные организации пытаются взять на себя определенные функции ООН. Например, НАТО самостоятельно пытается разрешать кризисные ситуации в различных регионах мира. В ряде случаев, по сути, проводит карательные, полицейские операции, причем уже за пределами государств-членов альянса²³.

С другой стороны, ряд государств, входящих в “финансовую семерку”, претендует на коллективное, а США на единоличное исполнение глобальной управленческой функции. Соединенные Штаты, заявив о своем абсолютном лидерстве в глобальном развитии, имеют в виду и свое право на определяющий голос в мировой политике и в оценке соответствия тех или иных стран неким демократическим “стандартам”.

Разбалансировка мировых силовых отношений в начале 90-х годов прошлого столетия и последующие идеологическая и геополитическая дезори-

ентация и процесс переориентации ряда государств привели к тому, что негосударственные акторы решили воспользоваться ходом трансформации международных отношений и образовавшемся геополитическим вакуумом на периферии постсоветского пространства, чтобы реализовать свои деструктивные и экспансионистские цели. Террористические организации активизировали свои действия, которые приняли трансграничный характер²⁴.

Целые регионы становятся зонами нестабильности, где экономическая или иная деятельность оказывается либо невозможной, либо крайне ограниченной. Одновременно наблюдается рост количества вновь образованных признанных и непризнанных государств – часто слабых и неконсолидированных, нестабильных и агрессивных по отношению к прошлому и к окружающему миру²⁵. Они в первую очередь становятся зонами возрождения архаичных этнических оппозиций и источником новых этнических конфликтов и войн, освящаемых лозунгами религиозного фундаментализма и агрессивного этно-национализма и ведущихся с исключительной жестокостью²⁶.

Вполне вероятно, что одним из сценариев трансформационных процессов окажется возникновение глобальной социально-политической системы, основанной на более сложных горизонтальных и вертикальных отношениях государств, социальных и идеологических движений, финансовых и экономических корпораций, неправительственных организаций, антисистемных сил и т.д.

В то же время продолжают сохранять свою инерцию (или реставрироваться) процессы периода холодной войны.

Мировые военные расходы не уменьшаются, а возрастают. Теперь в

гонке вооружений активно участвуют не только западные государства, Россия и Китай, но и те государства, которые в период холодной войны рассчитывали на их защиту. Более того, свою лепту в процесс милитаризации вносят негосударственные образования и движения.

В постбиполярный период можно было наблюдать попытки тех или иных антисистемных структур обрести ядерное оружие малой мощности с целью шантажа, а возможно и его прямого применения по отношению к противоположной стороне.

Исследователи считают, что “усугубляется центральная, всеобъемлющая угроза безопасности – распространение оружия массового уничтожения и ракетных технологий в нестабильные страны, попадание их в руки террористических и религиозных культовых организаций”²⁷. Эта проблема стала центральной в переговорах российского и американского президентов в начале июля и сентября 2009 г.

Новые информационные технологии оказывают более масштабное и интенсивное воздействие, чем традиционные СМИ, на индивидуальное и общественное сознание сторон конфликта и психологическую обстановку в зоне конфликта в целом, усиливая конфликт ценностей, дегуманизируя противоположную сторону и нагнетая международную обстановку до психоза, тем самым сохраняя атмосферу холодной войны, но уже на более высоком технологическом уровне.

Планируются и отработываются модели войн XXI в. Армии крупнейших государств модернизируются, исходя из установки на молниеносную победу в будущих войнах. Широко внедряются в вооруженные силы ведущих государств новые технологии ведения боевых действий.

Информационные войны стали новым видом источников международной нестабильности и конфликтов.

Так, в частности, в отношении роли и места технологий информационного воздействия на возникновение и развитие конфликтной ситуации ставка делается на психологическую коррекцию массового сознания населения в зонах конфликтов с целью “создания в сознании населения определенного образа конфликта”. Образ конфликта “может отличаться от реального положения дел, но формируемая им в сознании мотивация и порождает политическую активность населения”²⁸.

Применение информационных технологий в политических и военных целях начинают приравнивать к специфическому виду оружия. В настоящее время, как констатируют специалисты, международное право только в начале процесса выработки регламентирующих норм использования информационных технологий. А пока аналитические центры в мире ведут проработку возможных сценариев информационных войн, строя свои стратегии, именно исходя из задачи обеспечения глобального информационного доминирования.

Глобальный мировой экономический кризис, с одной стороны, вновь актуализировал вопрос о перспективе эволюции человеческой цивилизации, а с другой – является следствием отсутствия конкуренции цивилизационных альтернатив и государств, иницирующих альтернативы. В условиях отсутствия общепризнанной цивилизационной стратегии развития или выбора стратегий и кризиса глобального управления и кризиса государства актуализируются архаические формы выживания, каковым является этничность.

В этом контексте изучение этничности требует перехода от автономной

этнологии и дескриптивной этнографии к “этногеополитической” методологии. Последнее не отрицает две первых методологии, но дает выход двух первых в “область теории международных отношений и внешнеполитических рекомендаций”²⁹.

Исследователи, иницирующие разработку “этногеополитической” методологии, рассматривают “геополитику как науку о географической детерминации этнополитических процессов в государстве и межгосударственных отношениях”³⁰. Очевиден и тот факт, что социокультурная этничность формируется в системе отношений (оппозиций) социальных групп, народов, а далее развивается под все большим влиянием международных отношений и глобальных процессов.

Таким образом, проблема урегулирования межэтнических отношений в государстве в условиях глобализации не только сложна сама по себе, но и в значительной степени зависит от конкретной международной ситуации, а не только от ресурсов и характера политического режима. С другой стороны, международная ситуация как внешний фактор может спровоцировать межэтнический конфликт. Кроме того, нельзя утверждать, что существующие в настоящее время механизмы регулирования интересов как на уровне государства, так и на уровне межгосударственных отношений эффективны. Также нельзя утверждать, что многополярный мировой порядок будет менее противоречив, чем порядок, основанный на абсолютном суверенитете государства и биполярности.

Поэтому представляется актуальной задача гармонизации этнических отношений и минимизации кризисных издержек в рамках существующих в настоящее время государств и отношений последних между собой с учетом реально существующего трансграничного

этнического пространства. Другое дело, что и государству как институту и формы социальной самоорганизации предстоит найти свое новое место и определить свою новую роль в связи неизбежным влиянием на него процессов глобализации³¹.

С другой стороны, рассматривать проблему взаимоотношений этнической группы с государством только в ракурсе соблюдения прав этнических меньшинств было бы упрощением проблемы, ибо зачастую реально речь идет об интересах этнических элит или их борьбе за перераспределение власти на определенной территории и за обладание какими-то ресурсами той или иной территории. Таким образом, вопрос о том, как нейтрализовать конфликт этно-национализмов в рамках одного государства, остается пока без однозначного ответа. Остается без ответа и вопрос о том, почему население или какая-то этническая группа должна терпеть насилие со стороны государства ради международной стабильности. Во всяком случае, им можно было бы предложить какие-то компенсации. В то же время движение за национальную независимость и создание собственного государства нередко перерождается в терроризм или стимулирует его.

Требования народов (этнических групп), которым по тем или иным причинам не предоставили возможности создать свои государства или создать их в границах, которые они считают справедливыми, могут быть признаны обоснованными. Другое дело, что этнический принцип образования государств изначально ущербен, так как ставит много вопросов, обращенных в

прошлое, но не имеющих ответа в настоящем и перспективы для этого в будущем.

Во-первых, образование новых государств на этнической основе создает новые проблемы – несправедливости и встречные претензии объективного и субъективного плана по вопросам территорий, межэтнических отношений и представительства образовавшегося нового национального меньшинства.

Во-вторых, в условиях растущей мобильности населения – миграции рабочей силы – даже этнически “чистые” государства начинают размываться³².

Отмеченное не способствует устойчивому развитию отдельного общества и международного сообщества в целом, если не выйти на новый, более высокий уровень организации пространства.

Сдерживающим фактором этнического радикализма и экстремизма могла бы стать политика культивирования все тех же идей федерализма (по сути, – многопрофильного суверенитета), международной интеграции и гражданского общества как на уровне государства, так и (международного) региона, а также равнозначности в системе национальных интересов личности, интересов разнообразных групп и общенациональных интересов. Безусловно, что такая предложенная горизонтальная модель трактовки национальных интересов обладает сверхсложностью и объективно трудно реализуема в традиционном формате механизма государственного управления и согласования интересов групп, но стимулирует тот уровень и качество разнообразия, которое необходимо для устойчивого инновационного развития.

Международный опыт показывает, что практика двойных стандартов преобладает.

Пример тому признание западными государствами государственности Косово без какого-либо участия и согласия Сербии и сербов, в том числе сербов, проживающих

вающих в Косово, а с другой стороны – непризнание этими же западными государствами независимости Абхазии и Южной Осетии.

Такой подход ставит под вопрос международно-правовую систему мировой политики. Попытки международного-правовых принципов и соответствующих методов решения международных проблем создает опасность для ряда государств и регионов погрузиться в череду международных и межэтнических и территориальных конфликтов.

Сегодня по-прежнему одной из главных политических проблем современности является соотношение между принципом территориальной целостности государства и правом наций на самоопределение.

Ситуация с Косово, Абхазией и Южной Осетией дали очередной пример нестыковки двух международно-правовых принципов – право народов на самоопределение и права государства на нерушимость границ³².

Так, если поставить во главу угла первое, то получим в XXI в. бесконечные споры о границах, которые смогут окончательно парализовать и без того непростую работу ООН. А если второе – территориальную целостность – получим непрекращающиеся конфликты в различных регионах мира.

Косовский кризис и прецедент признания западными государствами самопровозглашения фактически только албанской общиной Края своего государства – еще один аргумент в стремлении государств к защите своей территориальной целостности и нерушимости границ, с одной стороны, и попытке сепаратистских (или национально-освободительных) движений добиться государственной независимости под лозунгом национального самоопределения, с другой. Но пока западное сообщество государств, как можно судить по его реакции на провозглашение Абхазией и Южной Осетией независимости и создание своего государства, рассматривает прецедент Косово как исключение и пытается соблюсти принцип нерушимости границ Грузии. В любом случае согласование двух названных принципов на практике является трудной задачей.

Невозможность обеспечить безопасное совместное проживание враждовавших этнических групп после кровопролитных конфликтов в рамках не только унитарного, но даже федеративного государства, завела в тупик процесс урегулирования даже там, где достигнутое перемирие сохраняется в течение нескольких лет.

В этом случае вполне может быть оправдан прецедент Косова.

Если это так, то как быть с курдским национально-освободительным движением и давней проблемой арабо-курдского конфликта, хотя бы в Ираке. Но курды в Турции, как минимум, претендуют на признание официальной Анкарой своей идентичности.

Так, если значительно более многочисленному чем албанский курдскому этносу отказано в государственности, то албанцам (Албания и Косово) такое право было дано.

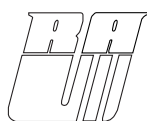
Соответственно, возникает вопрос: кто решает какому народу предоставить возможность реализовать свое право на самоопределение в формате государства или не предоставить такового.

Примечания

¹ Вызовы глобализации. Политические и социальные измерения. М.: ИСП, 2001.

- ² *Стиглиц Дж.* Глобализация: тревожные тенденции. М., 2003.
- ³ *Бек У.* Что такое глобализация? (Ошибки глобализма – ответы на глобализацию). М.: Прогресс-Традиция, 2001. С 201–214.
- ⁴ *Иноземцев В.* Глобализация и неравенство: что – причина, что – следствие? // Россия в глобальной политике. 2003. Т.1. № 1 (январь-март).
- ⁵ *Матяш В.Н.* Север-Юг в системе международных отношений. М., 2003.
- ⁶ Национальное государство в условиях глобализации. М., 2005. С. 4.
- ⁷ *Егоров С. Татаринцев В.М.* Африка в современном мире. М., 2004; *Поликанов Д.В., Жуниор А.К.* ООН и африканские конфликты // Африканский Юго-Запад. Опыт миротворчества. М., 2000.
- ⁸ *Бажанов Е.П.* Пойдем ли мы правильным путем? Как будут меняться международные отношения в XXI столетии // Независимая газета. 2009. 30 марта.
- ⁹ *Мирский Г.И.* Сказка про белого бычка. Иранский атом: перелом к лучшему или дежавю? // Независимая газета. 2009. 11 ноября.
- ¹⁰ *Назаретян А.П.* Человеческий интеллект в развивающейся вселенной: истоки, становление, перспективы. М., 1990.
- ¹¹ *Урсул А.Д.* Путь в ноосферу. Концепция выживания и устойчивого развития. М., 1993.
- ¹² *Каргалова М.В.* От социальной идеи к социальной интеграции: становление социальной политики Европейского союза. М., 1999; Европейский Союз на пороге XXI века: выбор стратегии развития / отв. ред. А.Барко. М., 2001; Европа: вчера, сегодня, завтра / отв. ред. Шмелев Н.П. М., 2002.
- ¹³ *Ваганов А.Г.* Уничтожить Вселенную – и нас вместе с ней. Техногенные катастрофы невозможно рассматривать в отрыве от социальных факторов // Независимая газета. 2006. 24 августа. Национальное государство в условиях глобализации. М., 2005. С. 4.
- ¹⁴ Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. М., 1997.
- ¹⁵ *Шеффер Б., Шледер Б.* Социальная идентичность и групповое сознание как медиаторы межгруппового поведения // Иностранная психология. 1993. № 1.
- ¹⁶ *Линклейтер Э.* К постсуверенному пространству // Этнические и региональные конфликты в Евразии. М., 1997. С. 54.
- ¹⁷ *Володин А.Г., Широков Г.К.* Глобализация: вызовы и риски // Международная политика. 2001. № 7; *Салицкий А.* Вызовы глобализации и проблемы крупных полупериферийных стран // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 2.
- ¹⁸ *Бобков Ф.Д., Иванов Е.Ф., Свечников А.Л., Чаплинский С.П.* Современный глобальный капитализм. М., 2003.
- ¹⁹ *Стрыгин А.В.* История мировой экономики. М., 2009. С. 142–143.
- ²⁰ *Лебедева М.М.* Современные технологии и политическое развитие мира // Международные отношения. 2001. № 2. С. 48–52; *Митева В.В.* Современные войны и процесс глобализации // Социология. 2004. № 2.
- ²¹ *Халевиная Е.Д.* Мировая экономика и международные экономические отношения. М., 2003. С. 76–85.
- ²² *Загладин Н.В.* Новый мировой беспорядок и внешняя политика России // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 1. С. 23.
- ²³ *Штоль В.В.* Роль и место НАТО в системе европейской и международной безопасности в условиях глобализации. М.: Научная книга, 2006.
- ²⁴ *Соловьев Э.С.* Транснациональные террористические сети как актор современной мировой политики // Внешняя политика: вопросы теории и практики. М., 2009. С. 102–114.
- ²⁵ *Ильин М.В.* Возможна ли универсальная типология государства? // Политическая наука. 2008. № 4. С. 31–32.
- ²⁶ *Лебедева М.М., Мельвилл А.Ю.* “Переходный возраст” современного мира // Международная жизнь. 1999. № 10. С. 76–83.

- ²⁷ *Грэхэм Т.* Противоракетная оборона и договор о нераспространении ядерного оружия // Дипломатический ежегодник. М., 2002. С. 236; Ядерный и ракетный потенциал Ирана. Соместная техническая оценка угроз экспертами из США и России. Май 2009. Институт Восток-Запад, 2009.
- ²⁸ *Манойло А.* Национально-государственные модели психологического управления конфликтами // Обозреватель–Observer. 2008. № 2. С. 122.
- ²⁹ *Бородай Ю.* Пути становления национального единства // Наш современник. 1995. № 1. С. 130–131.
- ³⁰ *Платонов Ю.П.* Этнический фактор. Геополитика и психология. СПб, 2002. С. 492.
- ³¹ *Бади Б.* От суверенитета государства к его жизнеспособности // Мировая политика и международные отношения в 1990-е годы: взгляды американских и французских исследователей / под ред. М.М. Лебедевой и П.А. Цыганкова. М., 2001; *Салицкий А.* Вызовы глобализации и проблемы крупных полупериферийных стран // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 2.
- ³² *Новикова О.Н.* Иммиграция и новые подходы к проблеме безопасности // Иммиграция и безопасность. М.: ИНИОН, 2008. С. 18–39.
- ³³ *Вельяминов Г.М.* Признание “непризнанных” и международное право // Россия в глобальной политике. 2007. № 1.

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ
OBSEVER

<http://www.rau.su>

E-mail: observer@nasled.ru